

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

УДК 323.1

Е. В. Пугачева

ТАИЛАНД И БИРМА (МЬЯНМА): БУДУЩЕЕ ИММИГРАНТОВ ИЗ БИРМЫ В ТАИЛАНДЕ

Идея написания статьи, посвященной некоторым аспектам безопасности на границе между Таиландом и Бирмой (Мьянмой), пришла автору еще в 2009 г. после посещения тайского пограничного г. Мэсот во время учебной стажировки в университете имени короля Чулалонгкорна. Опыт общения с беженцами и рабочими иммигрантами из Бирмы, а также материалы, собранные за время работы в организации по правам человека «Алтсеан» (Alternative ASEAN Network on Burma — Altsean) в Бангкоке (2011–2012), подтвердили актуальность поиска ответов на следующие вопросы: 1) Какова причина исхода беженцев из Бирмы? 2) Как справляется с потоком беженцев Таиланд и есть ли у этих людей будущее в королевстве?

Мьянма — официальное название страны, расположенной к западу от Таиланда, было принято военной хунтой в 1989 г. Среди противников этого названия — жители семи национальных областей или штатов, большинство населения которых составляют такие народы, как качины, шаны, карены, кайя, чины, моны. Представителями этих групп сформирована активная оппозиция центральному правительству. Не признают новое название Бирмы и многие западные страны, в том числе ЕС и США, которые, поддерживая борьбу за демократизацию и права человека в полиэтнической Бирме, ищут возможности использовать ее богатые ресурсы в своих геополитических целях. Автором в статье используется название «Бирма» не из солидарности с прозападной оппозицией, а лишь потому что сами мигранты, проживающие в пограничных районах Таиланда, продолжают называть свою родину «*ဖိစုံ*» («*пха-ма*» — тайск.), что гораздо более созвучно слову «Бирма», нежели «*မြေမာ*» («*мьен-ма*» — тайск.).

Ситуацию в Бирме сложно оценить из-за противоречивости информации, поступающей из официальных бирманских источников, призванных поддержи-

Пугачева Екатерина Владимировна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; ООО «Flash Asia», о. Самуй (Таиланд); e-mail: khatriya_me@hotmail.com

© Е. В. Пугачева, 2013

вать прогрессивный имидж нового правительства страны (пришедшего к власти в 2011 г.), прозападных СМИ и даже солидных исследовательских центров, обычно критически настроенных и спонсируемых западными донорами. Но даже самый осторожный наблюдатель не может отрицать, что с 1949 г. в Бирме продолжается, по сути, самая длительная война в мире. Причина этой войны — дискриминация по признаку этнической принадлежности. Представители национальных меньшинств (карены, шаны, качины, моны) создают этнические армии для борьбы за национальную автономию и федеративное устройство государства. Некоторые ратуют за полную независимость от центрального правительства.

Еще в 1960-х годах бирманские военные разработали стратегию отсекающих четырех самых важных ресурсов («Four cuts policy»), необходимых для существования этнических армий в зонах конфликта, а именно отсекающих их доступа к провианту, денежному финансированию, потенциальным новобранцам и информации. Эта стратегия — одна из основных причин серьезных нарушений прав человека в этнических районах. Выполнение стратегии сопровождается насильственным переселением гражданского населения. Сжигаются целые деревни, чьи жители переселяются в подконтрольные армии районы, чтобы лишить население возможности предоставлять повстанцам необходимые ресурсы. С 1996 по 2010 г. 3 500 деревень были уничтожены войсками военного режима или перемещены [1]. Таким образом, огромное количество внутренне перемещенных лиц (Internally Displaced Persons — IDPs) не имеет доступа к гуманитарной помощи в районах Восточной Бирмы, потому что центральное правительство ограничивает доступ агентств ООН и других организаций в конфликтные зоны. В начале 2011 г. в ответ на тенденцию формирования союзов между этническими армиями правительство Бирмы добавило к стратегии отсекающих четырех самых важных ресурсов пятый элемент, а именно пресечение связи между союзными армиями, что обострило ситуацию в зонах конфликта [2].

Считается, что 30 марта 2011 г. стратегический «план достижения демократии» («roadmap to democracy»), введенный военной хунтой, подошел к концу. Этот план был разработан Государственным советом мира и развития (State Peace and Development Council — SPDC), сформированным в 1997 г. и сменившим военное правительство Государственного совета восстановления законности и порядка (State Law and Order Restoration Council — SLORC), который существовал с 1988 по 1997 г. План включал в себя семь шагов на пути к демократии, самыми важными из которых были принятие новой конституции (Конституции 2008 г.) и начало работы выборных законодательных органов — парламента (2010). В 2011 г. новый президент Тейн Сейн и 30 министров приняли присягу. Эта церемония ознаменовала роспуск Государственного совета мира и развития, т. е. символическое окончание целой эпохи военного правления в Бирме. Официально военная хунта была отстранена от государственных дел, однако факты и цифры говорят о том, что правительство лишь сменило военную форму на традиционный бирманский костюм.

В парламенте по результатам выборов 7 ноября 2010 г. 85% мест принадлежат Партии союза солидарности и развития (Union Solidarity and Development Party — USDP). Эта партия была создана бирманским режимом для участия в выборах на основе Ассоциации союза солидарности и развития (USDA) — главной организации, посредством которой Государственный совет мира и развития выполнял свои функции. Помимо этого, Конституция 2008 г. гласит, что ради «дисциплинирован-

ной процветающей демократии» за военными резервируется 25% мест в парламенте. Таким образом, подавляющее большинство в парламенте занимают бывшие сторонники хунты или сами военные.

Заседания парламента строго контролируются, а доступ гражданских лиц на эти заседания ограничен. Более того, существуют законы, запрещающие депутатам давать комментарии, которые могут стать угрозой национальной безопасности и единству страны, а также подразумевающие двухлетний срок заключения за распространение информации о темах, которые рассматривались на заседаниях парламента. Вопросы, выдвигаемые депутатами, «не должны влиять на международные отношения, приводить к разглашению государственной тайны или подрывать интересы граждан» [3, р.7]. Парламенты на местах, которые считаются одним из наиглавнейших демократических достижений в Бирме, по факту имеют мало веса и недостаточно государственного финансирования. На заседаниях сессий местных парламентов, которые порой длятся от 5 до 20 минут, как сообщает англоязычная правительственная газета «Новый свет Мьянмы» («New Light of Myanmar»), где печатаются отчеты о ходе каждого заседания, обсуждаются лишь многочисленные перестановки в государственных комитетах [4].

Почти 2 года, прошедших с момента прихода президента Тейн Сейна к власти, показали, что он склонен к демократическим реформам. Но каждый шаг вперед сопровождаются 2 шага назад или контрмеры. Например, режим Тейн Сейна провел целый ряд политических амнистий, приуроченных к большим международным конференциям и мероприятиям, в которых Бирма хотела бы показать себя с наилучшей стороны. Так, больше 700 политических заключенных были освобождены из-под стражи. Однако с января 2012 г. как минимум 200 человек были снова арестованы по политическим мотивам, на 60 из которых заведены уголовные дела [5, р. 3].

Любимый лидер бирманской демократической оппозиции Аун Сан Су Джи, освобожденная из-под домашнего ареста в 2010 г., смогла совершить свои первые поездки за границу во время правления Тейн Сейна [6]. Помимо этого, она и еще 40 членов ее партии «Национальная лига за демократию» (National League for Democracy — NLD) были избраны в парламент дополнительными выборами в апреле 2012 г. Однако их влияние в ходе парламентских сессий ограничилось тремя предложениями и несколькими вопросами. Аун Сан Су Джи все же была избрана главой Комиссии по законности, миру и стабильности, которая должна рассматривать нынешнее законодательство и вносить рекомендации по его изменению [7].

Несмотря на все «позитивные изменения» в Бирме и «приверженность» правительства «делу продолжения политических реформ, демократизации и национального примирения», Совет по правам человека ООН в марте 2013 г. в очередной раз выразил озабоченность по поводу сохраняющихся нарушений прав человека, зафиксировав «произвольное заключение под стражу, насильственное перемещение, конфискацию земельных участков, изнасилования и другие формы сексуального насилия, пытки и жестокие, бесчеловечные и унижающие человеческое достоинство виды обращения», а также «нарушения международного гуманитарного права и вербовку детей-солдат» [8, р.2]. Все вышеперечисленные нарушения прав человека, включая политическую, расовую, этническую, культурную и религиозную нетерпимость и преследование, продолжают оставаться причиной массового исхода беженцев в соседние страны.

Так, летом 2011 г. в штате Качин началась новая война. Бирманское правительство нарушило соглашение о прекращении огня, подписанное с Армией независимости качинов 13 лет назад. Новые военные действия в этнических районах направлены в основном против групп, отказавшихся преобразовать свою армию в так называемые Пограничные силы (border guard force), подконтрольные правительству. Вслед за войной в штате Качин большинство этнических районов оказались под ударом правительственных войск, начавших масштабное наступление. Только с июня 2011 г. 90 тыс. человек были вынуждены покинуть места своего обитания. Уже в 2012 г. президент Тейн Сейн приказал армии прекратить наступление, но случаи мародерства и стычек между армейскими подразделениями и повстанцами продолжают [5, p. 17].

«Особую озабоченность» Совет по правам человека ООН выражает по поводу положения меньшинства рохингья в штате Ракхайн на юго-западе Бирмы, настоятельно призывая правительство «принять меры к улучшению положения этого меньшинства, а также защите всех прав человека его представителей, отменить и/или изменить законы, которые лишают рохингья, в частности, права на регистрацию рождения детей, возможности вступать в брак и свободы передвижения, в том числе равного доступа к гражданству» [8, p. 3]. В штате Ракхайн проживает около 800 000 представителей народности рохингья, некогда морских цыган, чье происхождение не установлено. По некоторым версиям рохингья, этнически и лингвистически родственные народам Индии и Бангладеш, — автохтонное население штата Ракхайн. Согласно другим версиям, они переселились в этот штат из соседних стран в период Британского господства в Бирме. Дискриминация мусульманской народности рохингья в Бирме усилилась после столкновения между буддийским и мусульманским населением из-за скандала, разразившегося в июне 2012 г. и связанного с изнасилованием буддийской девочки. В результате межобщинной напряженности и беспорядков в штате 100 тыс. рохингья считаются внутренне перемещенными лицами. Вместо принятия мер по решению этой проблемы президент Тейн Сейн предложил переселить представителей народности рохингья в третьи страны или разместить их в лагерях для беженцев ООН. Даже глава Комиссии по правам человека Бирмы Вин Мра (араканец по происхождению) неоднократно заявлял, что в «стране вообще нет такой народности, как рохингья» [9]. Рохингья, которым бирманский режим отказывает в гражданстве, на протяжении долгих лет испытывают гонения и совершают многократные попытки достигнуть берегов ближайших стран на простых лодках, которые правительства других стран отправляют обратно в море. Судна с беженцами рохингья неоднократно задерживались тайской полицией у берегов королевства. Но Таиланд редко предоставляет им убежище. Так, в 2009 г. произошла громкая история, когда Таиланд отказался принять почти 200 человек, которые были впоследствии найдены мертвыми в море [10].

Таиланд склонен рассматривать поток беженцев из Бирмы как прямую угрозу национальной безопасности и стабильности в связи с тем, что иммигранты приносят с собой не только нелегальные товары, но и мутирующие лекарственно устойчивые виды туберкулеза, малярии, ВИЧ инфекции и СПИДа (связанные с внутривенным использованием наркотиков переселенцами из страны) [11, p. 4].

Согласно статистике Международной организации по миграции, на 2010 г. в девяти лагерях для беженцев на территории Таиланда проживало более 140 тыс. бе-

женцев [12]. В большинстве своем это карены и кайя. Помимо этого, количество незарегистрированных переселенцев в поисках работы может достигать 1 млн. Официальные данные Агентства ООН по делам беженцев за 2012 г. называют цифру 84 тыс. зарегистрированных беженцев и почти 20 тыс. лиц, ищущих убежища [13]. Таиланд не ратифицировал Конвенцию по делам беженцев 1951 г. и Протокол 1967 г., таким образом оставляя за собой право давать достаточно узкое определение понятию «беженец» — «лицо, вынужденное покинуть страну происхождения в результате вооруженного конфликта». Так, многие из новоприбывших переселенцев, которые пересекли границу с Таиландом во избежание политического преследования, гонений по этнической и религиозной принадлежности, не имеют статуса беженцев в королевстве и подвергаются депортации.

Нелегальная миграция криминализуется и рассматривается Таиландом как угроза национальной безопасности, но граница между статусом беженца, легального и нелегального иммигранта настолько размыта, что часто все мигранты из Бирмы сталкиваются с пренебрежением со стороны власти, отсутствием возможности интеграции в тайское общество и видятся угрозой стабильности государства в глазах тайцев.

Исследование, проведенное автором во время учебы в Чулалонгкорнском университете в пограничном г. Мэсот, ярко подтверждает гипотезу о том, что будущее беженцев и экономических мигрантов в Таиланде мрачно. Возможность получения образования считается ключом к более светлому будущему, однако молодое поколение выходцев из Бирмы, которое прибыло в Таиланд вместе с родителями и разделило все их невзгоды, до совсем недавнего времени не имело права на образование в Таиланде. Власти Таиланда по соображениям безопасности (сложности с легальным статусом иммигрантов, возможность волнений на границе) были согласны предоставить право получения школьного образования только детям официально зарегистрированных беженцев, признанных Агентством ООН по делам беженцев. То есть только дети, проживающие на территории лагерей для беженцев (например лагерь Умпьен Май в районе г. Мэсот), могли посещать школу на территории лагеря. Как уже отмечалось, официальный статус беженца получают далеко не все иммигранты из Бирмы. Многие живут в Таиланде за пределами лагерей уже более 30 лет, но не имеют легального статуса и постоянно находятся под угрозой депортации. Таким образом, вплоть до 2005 г. жителям района г. Мэсот приходилось ежегодно удовлетворять потребность в образовании в среднем 30 тыс. детей школьного возраста самостоятельно, без помощи тайского правительства. Так, в районе появилось 70 учебных центров, осуществляющих свою деятельность при помощи международных доноров и местных некоммерческих организаций.

Таиланд ратифицировал Конвенцию ООН по правам ребенка, закрепляющую равное право всех детей на территории королевства на образование вне зависимости от легального статуса и национальности, еще в 1992 г. Но только в 2005 г. в Таиланде вышел закон об «Образовании для всех», закрепляющий право детей из Бирмы ходить в школу. Однако, как оказалось, плата за школьную форму, учебники — непосильное бремя для семьи мигрантов из Бирмы, которые получают в среднем 3000 батов (100 USD). На средства, необходимые для покрытия школьных расходов, они должны целый месяц содержать семью. Также дети чувствуют себя некомфортно, обучаясь на тайском языке, многие из них отстают от сверстников. Поэтому, не-

смотря на изменения в законодательстве, детям иммигрантов до сих пор приходится ходить в созданные учебные центры, где преподавание ведется на родном им языке. Министерство образования Таиланда столкнулось с проблемой аккредитации таких центров. Сертификат о среднем школьном образовании, выдаваемый ими, не может быть приравнен к тайскому школьному диплому из-за разницы в языке преподавания, разницы в учебном плане. Таким образом, выпускники этих центров лишь в редких случаях могут быть приняты в частные высшие учебные заведения. Государственные университеты не признают полученных бирманскими детьми сертификатов [14].

За время пребывания в г. Мэсот автор имела возможность провести фокус-группы и неструктурированные интервью с выпускниками 12-го класса учебного центра Са Ту Лей, где учатся дети нелегальных иммигрантов из Бирмы (в основном шаны и карены), а также с представителями местной администрации, директорами некоммерческих организаций и крупных предприятий в районе. Как оказалось, даже школьный сертификат не гарантирует более высокую зарплату и более выгодную позицию выпускнику школы на тайском предприятии, потому что статус нелегального иммигранта не позволяет ему получать больше установленной зарплаты.

Большинство детей, с которыми автору довелось беседовать, говорили о том, как важно для них получить образование, достичь чего-то в жизни. Выбор их планов на будущее ограничен лишь двумя возможностями — работать на благо своего маленького сообщества в г. Мэсот или вернуться на родину. В общем, они правы. Других возможностей у них просто нет, потому что Таиланд отвергает любые попытки интеграции беженцев и экономических иммигрантов из Бирмы в тайское общество.

В Бирме же к «предателям», вернувшимся на родину, долгое время относились с подозрением. Бирманский режим даже совершал нападения на пограничные лагеря для беженцев. Сейчас правительство Тейн Сейна ведет переговоры о возможном переселении беженцев в штат Карен. Однако, пожалуй, эти попытки преждевременны. На территории штата то и дело вспыхивают столкновения между местными этническими армиями и правительственными войсками, а безопасность возвращающихся беженцев подрывает наличие наземных мин в 47 районах Восточной Бирмы [5, p. 13].

В статье предложено видение автора ситуации на границе Таиланда и Бирмы. В ходе исследовательской работы в Бангкоке и на границе был сделан вывод о том, что к начавшимся демократическим переменам в Бирме следует относиться с большой осторожностью. Эта страна, как верный соратник Китая в Юго-Восточной Азии, долгое время удивляла мировое сообщество своим постоянством в невнимании к его мнению и попытками «разрешить» свои внутренние проблемы. Новое правительство Бирмы, кажется, прислушалось к мнению Запада и с 2011 г. стало совершать осознанные, но не всегда последовательные реформы. Причиной этих реформ может быть желание скорейшей отмены западных экономических санкций. Возможно, стремление правительства обеспечить себе позицию председателя самита АСЕАН в 2014 г. и таким образом получить международное признание также стало причиной «игры в демократизацию».

В этом контексте также следует отметить, что одним из рычагов воздействия стран Запада на бирманский режим была кампания по созданию Комиссии Совета Безопасности ООН по расследованию преступлений против человечества и нару-

шений прав человека, совершенных военной верхушкой Бирмы. Если бы комиссия признала режим виновным, то дело могло быть передано в Международный криминальный суд. Интересно, что Россия и Китай, постоянные члены Совета безопасности ООН, неизменно налагают вето на все проекты резолюции ООН по Бирме. С отменой санкций или, наоборот, с созданием следственной комиссии мировое сообщество, а именно страны Запада, получит доступ к Бирме и ее ресурсам, что противоречит геополитическим и экономическим интересам Китая, доминирующего в регионе. Поэтому перед новым правительством Бирмы стоит сложная задача найти выгодный для себя баланс между геополитическими соперниками. Здесь немаловажную роль играет фактор возможного возвращения на родину тысяч беженцев. Масса беженцев может стать инструментом дестабилизации ситуации внутри Бирмы и в регионе. Этот инструмент может быть умело использован самой Бирмой при ведении переговоров с мировым сообществом, а может быть разыгран как Китаем, так и Западом, имеющим определенные рычаги влияния на беженцев, в собственных интересах.

Что касается Таиланда, то депортация беженцев из Бирмы, проживающих в лагерях и за их пределами вдоль западной границы страны, стала бы самым легким способом решения многих проблем безопасности для королевства. Однако последствия переселения обратно в Бирму 140 тыс. беженцев, многие из которых за неимением возможности получить традиционное тайское образование воспитывались различными некоммерческими организациями, впитывая прозападные идеи, непредсказуемы. Это может привести не только к новым внутренним конфликтам в Бирме и новым переселенцам в Таиланд, но также, возможно, будет способствовать смене геокультурной ориентации западного соседа королевства и региональной дестабилизации.

Литература

1. Universal Periodic Review (UPR) Submission on Burma. International Federation for Human Rights (FIDH) & Alternative ASEAN Network on Burma (Altsean-Burma) Publication. July 2010. URL: <http://www.altsean.org/Docs/PDF%20Format/Special%20Reports/UPR%20Submission%20on%20Burma.pdf> (дата обращения: 16.06.2013).
2. *Wai Moe*. *Naupyidaw orders new "Four Cuts" campaign // Irrawaddy*. May 4, 2011. URL: <http://www.burmanet.org/news/2011/03/04/irrawaddy-naupyidaw-orders-new-%E2%80%9Cfour-cuts%E2%80%9D-campaign-%E2%80%93-wai-moe/> (дата обращения: 16.06.2013).
3. Locked in, tied up: Burma's disciplined democracy. *Burma Issues and Concerns*. Vol. 7. Altsean-Burma Publication. April 2011. 52 p.
4. Fourth-day regular session of first Pyidaungsu Hluttaw held approval sought for union ministers nine members, chairperson for Constitutional Tribunal of the Union submitted to Pyidaungsu Hluttaw // *New Light of Myanmar*. February 12, 2011. URL: <http://www.burmalibrary.org/docs11/NLM2011-02-12-text.pdf> (дата обращения: 15.06.2013).
5. Not all that glitters is gold: Burma's façade of reform. *Burma Issues and Concerns*. Vol. 8. Altsean-Burma Publication. October 2012. 40 p.
6. Aung San Suu Kyi arrives in Oslo to give Nobel speech // *BBC News Europe*. June 15, 2012. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-europe-18454243> (дата обращения: 16.06.2013).
7. *Soe Than Lynn*. NLD leader pledges to safeguard rights of society in committee role // *Myanmar Times*. Vol. 32, N 630. August 13–19, 2012. URL: <http://mmtimes.com/2012/news/639/news63922.html> (дата обращения: 16.06.2013).
8. Совет по правам человека ООН. 22 сессия. Ситуации в области прав человека, требующие внимания со стороны совета / Положение в области прав человека в Мьянме, 19 марта 2013. 5 с. // UN Human Rights Council. 22nd session. Human Rights Situations that Require Council's Attention / Situation

of human Rights in Myanmar, 19 March 2013. 5 p. UN Doc: HRC A/HRC/22/L.20/Rev.1. URL: <http://www.burmalibrary.org/docs15/HRC22-resL20-rev.1-ru.pdf> (дата обращения, 16.06.2013).

9. Office of the High Commissioner for Human Rights. Committee on the Rights of the Child. 36th session, Summary Record of the 960th Meeting: Myanmar, 06 June 2004. UN Doc: CRC/C/SR.960. URL: [http://www.unhcr.ch/tbs/doc.nsf/\(Symbol\)/da8d86bf0b0b1a21c1256faa0049b4f5?Opendocument](http://www.unhcr.ch/tbs/doc.nsf/(Symbol)/da8d86bf0b0b1a21c1256faa0049b4f5?Opendocument) (дата обращения: 16.06.2013).

10. Thailand: UNHCR seeks access to Rohingya boat people // IRIN Humanitarian News and Analysis. January 29, 2009. URL: <http://www.irinnews.org/report/82635/thailand-unhcr-seeks-access-to-rohingya-boat-people> (дата обращения: 16.06.2013).

11. The security dimension. Burma Issues and Concerns. Vol. 4. Altsean-Burma Publication. April 2007. 40 p.

12. Thailand Migration Report 2011 / ed. by A. Chamrathirong, J. Huguet. International organization for Migration. URL: <http://www.un.or.th/documents/TMR-2011.pdf> (дата обращения: 15.06.2013).

13. 2013 UNHCR country operations profile — Thailand. UNHCR The UN Refugee Agency. URL: <http://www.unhcr.org/cgi-bin/texis/vtx/page?page=49e489646&submit=GO> (дата обращения: 15.06.2013).

14. *Sawadee O.* Certifying refugee education. Problems faced by Burmese refugees in Thailand / ed. Su-Ann Oh. Issue Paper No 2. ZOA Refugee Care, Mae Sot. September 2008.

Статья поступила в редакцию 25 июня 2013 г.